

## **Выступление президента Франции Эммануэля Макрона на ежегодном совещании послов Франции 27 августа 2019 г.**

Перед тем, как прийти сюда на встречу с вами я перечитал за последние дни два моих предыдущих выступления перед послами. Они всегда опираются на следующую триаду: безопасность, суверенитет и влияние. Она, безусловно, остается в силе, и проделанная за последние два года работа в сфере борьбы с терроризмом и всех прочих областях дает все более ощутимые результаты. Мне кажется, что стратегия, которую мы реализуем на протяжении двух лет, является последовательной, что, кстати говоря, проявилось и на недавнем саммите. Эти выступления также подтолкнули меня к тому, чтобы быть скромнее, поскольку многое из того, что мы планировали еще два года назад, до сих пор находится в работе.

<...>

В первую очередь мне бы хотелось поделиться с вами своего рода общей картиной мира и его проблем, а также очертить в этой связи наши приоритеты. Дело в том, что именно они должны определять нашу работу во Франции, в Европе и на международной арене. Мы все живем в этом мире, и, как вы знаете еще лучше меня, международный порядок переживает небывалые потрясения. Я бы сказал, что, пожалуй, впервые в нашей истории мы переживаем колоссальные сдвиги практически во всех областях, и они отличаются поистине историческими масштабами. В первую очередь это геополитические и стратегические изменения и сдвиги.

Судя по всему, мы являемся свидетелями конца западной гегемонии в мировой политике. Мы привыкли к международному порядку, который полагался на западную гегемонию с XVIII века. Можно сказать, что эта гегемония была французской в XVIII веке благодаря Просвещению, затем, наверное, британской в XIX благодаря промышленной революции и далее, вполне логично, американской в результате двух мировых конфликтов и экономического и политического доминирования этой державы.

Ситуация меняется, она пережила серьезную встряску из-за ошибок Запада в ряде кризисов, из-за решений Америки на протяжении нескольких лет — они, кстати говоря, начались не при нынешней администрации. И это заставляет задуматься об определенных последствиях для конфликтов на Ближнем и Среднем Востоке и в других регионах, а также переосмыслить военно-дипломатическую стратегию и даже некоторые аспекты солидарности, которую мы считали незыблемой и вечной, хотя мы сформировались как целое в четко определенные геополитические моменты, которые, однако, с тех пор претерпели изменения.

Далее, нужно отметить появление новых держав, что мы долгое время недооценивали. Прежде всего, речь идет о Китае, но также и о российской стратегии, которая, нужно сказать, реализуется последние годы более успешно — об этом я еще скажу. Набирает силу Индия. Новые экономические державы проявляют себя как мощные силы, не только экономические, но и политические. Не без оснований говорится, что они рассматривают себя как настоящие государства-цивилизации. Они не только изменяют международный порядок и усиливают свое влияние в сфере экономики, но и переосмысливают политический порядок и связанные с ним представления. При этом они действуют с гораздо большей решимостью и силой духа, чем мы.

Посмотрите на Индию, Россию и Китай. Ими всеми движет гораздо более сильное политическое вдохновение, чем есть сегодня у европейцев. Они смотрят на мир с настоящей логикой, настоящей философией и представлениями, которые мы в какой-то мере утратили. Все это приводит к очень сильным сдвигам и смешивает карты. Не говоря уже о подъеме Африки, который подтверждается буквально каждый день и тоже ведет к масштабным сдвигам, о чем я скажу позже.

Это изменение соотношения сил сопровождается геополитическими и военными сдвигами. В нашем мире растет число конфликтов, и я вижу два основных фактора риска. Первый заключается в том, что конфликты приводят к растущему числу жертв среди мирного населения, тогда как их природа меняется. Достаточно взглянуть на театры боевых действий по всему миру.

Второй момент - это растущее одичание: тот порядок, в котором мы были уверены, на который опиралась наша организация, исчезает. Один за другим уходят в прошлое договоры по контролю над вооружениями, заключенные на выходе из холодной войны, и это воспринимается молча, как нечто само собой разумеющееся. Все это должно вызывать у нас серьезные вопросы. Прежде всего, нам нужно понять, что наши привычки и данности больше не имеют смысла. И поэтому нам придется пересмотреть нашу собственную стратегию, потому что две страны, у которых сегодня на руках настоящие карты - это США и Китай.

Таким образом, перед лицом этих больших перемен, этих огромных сдвигов нам предстоит сделать выбор: будем ли мы младшими союзниками той или другой стороны? Или отчасти одной и отчасти другой? Или же мы будем пытаться вести свою собственную игру и оказывать влияние?

Одновременно мы переживаем небывалый кризис рыночной экономики. Мне кажется, что этот кризис не менее важен, чем то, о чем я сейчас говорил, и даже накладывается на него. Та рыночная экономика, которая была придумана в Европе и для Европы, в последние десятилетия все более дрейфует. Прежде всего в ней произошла глубокая «финансизация».

Лежавшая в основе сформированного нами равновесия рыночная экономика — в некоторых теориях говорилось даже о социальной рыночной экономике — стала экономикой накопительного капитализма. В этих условиях перекося в сторону финансового сектора и технологические преобразования привели ко все большему сосредоточению богатств в руках «чемпионов», то есть наиболее способных людей в наших странах — больших метрополиях и странах, выигравших в результате глобализации. И если прежде в соответствии со старательно усвоенной нами теорией сравнительных преимуществ рыночная экономика на протяжении десятилетий прекрасно работала и обеспечивала распределение богатств, позволив — и это беспрецедентно в истории человечества — сотням миллионов людей по всему миру выбраться из бедности, то теперь процесс обратился вспять и ведет к неравенству, с которым больше нельзя мириться.

Если говорить о нашей экономике, Франция очень остро переживала это в последние месяцы, но все это существует уже не первый год, причем по всему миру. Эта рыночная экономика порождает небывалое неравенство, которое приводит к глубоким переменам в нашем политическом порядке. В первую очередь, пошатнулась сама легитимность этого экономического уклада. Как объяснить гражданам, что система хорошая, если они не находят в ней свое место? Более того, все это ставит под вопрос равновесие наших демократий. Дело в том, что с XIX века мы живем в сбалансированной системе, в которой личные свободы, демократические структуры и стабильный рост среднего класса в условиях рыночной экономики были своего рода треногой, обеспечивающей наш прогресс.

И когда средний класс, который представляет собой ядро наших демократий, больше не видит в этом своей выгоды, у него возникают сомнения и вполне понятная тяга либо к авторитарным режимам, либо к нелиберальным демократиям, либо к отторжению экономической системы.

Так или иначе, речь идет о глубоких изменениях самой парадигмы, о которых мы не задумывались до недавнего времени. Этот кризис может привести к закрытости, и некоторые пошли по этому пути, но Франция весной 2017 года не стала этого делать. Однако соблазн пойти по этому пути по-прежнему существует, и поэтому нам следует всерьез подумать о поисках нового равновесия в этой системе, системы не только французской, но европейской и мировой. Как сохранить открытость, которую я считаю ее необходимой и полезной для нашей страны, соответствующей нашим ценностям и ДНК, обретя при этом необходимую долю контроля.

По сути дела то, что сторонники Брексита предложили народам Великобритании, было очень удачным лозунгом: вернуть контроль над нашей жизнью, нашей нацией. Мы должны осмыслить это и действовать соответственно, но в условиях открытости. Вернуть контроль. Ушло то время, когда гражданам описывали блага деллокализации производства: дескать, все это в порядке вещей, так будет лучше для вас, рабочие места уйдут в Польшу, Китай и Вьетнам, а вы получите... что? Лично я уже не могу это объяснить.

Другими словами, мы должны найти средства, чтобы заявить о себе в глобальном мире и в то же время переосмыслить нынешний международный порядок. Я осознаю масштабы того, о чем говорю, и понимаю, что все это не случится в один день. Но я убежден в необходимости такого переосмысления и соответствующих действий Франции и Европы. В противном случае мы рухнем.

Третье огромное изменение, которое мы наблюдаем в современном мире, это, без сомнения, технологическая революция. Это небывалое явление. Интернет, социальные сети, искусственный интеллект... Это в первую очередь небывалая глобализация интеллекта, набравший невероятную скорость технический прогресс. В то же время это глобализация представлений, эмоций, насилия, ненависти, что очень способствует тому одичанию мира, которое мы наблюдаем каждый день. Это глубокая антропологическая трансформация, затрагивающая наши демократии, и это новое пространство, которое формируется на наших глазах и требует переосмысления правил, изменения международного порядка, который уже принадлежит прошлому.

Я глубоко убежден, что эта технологическая революция ведет не только к экономическому, но и антропологическому дисбалансу, который необходимо осмыслить и учитывать в наших действиях. В противном случае наша дипломатия будет сводиться к судорожным реакциям и может быстро оказаться несостоятельной. Стоит отметить, что другие поняли это раньше нас и сделали это инструментом дестабилизации демократий и усиления своего влияния.

Наконец, речь идет об экологической трансформации. Я убежден, что ее темпы только растут. Мы осознали это еще несколько лет назад, и Франция проводила активную экологическую дипломатию, результатами которой стали Конференция по климату в Париже, где наша роль общепризнанна, и парижские соглашения. Мы видим, что острота этой проблемы растет все более быстрыми темпами, будь то потепление климата или борьба за биологическое разнообразие. Это происходит потому, что последствия нашего коллективного бездействия сегодня проявляются в наших обществах, экономиках и по всему миру. Потому, что наши граждане в гораздо большей степени осознают ситуацию и требуют от нас действий. И, наконец, потому что последствия происходящего мы ощущаем

буквально каждый день. Среди этих последствий - настоящие геополитические кризисы.

Изменение климата, масштабные экологические потрясения ведут к серьезному нарушению соотношения сил в регионах мира, к масштабным миграционным явлениям. Они уже ускорили колоссальные демографические изменения, которые выводят из равновесия мир.

Как вы видите, эти гигантские сдвиги происходят одновременно. Вам все это известно. Но я думаю, что нам следует поставить все это в перспективу не просто для констатации фактов, а чтобы понять, как нам правильно действовать в данный момент.

Слова - это одно, но какую роль мы будем играть? Мы можем быть зрителями, комментаторами. И я мог бы остановиться на том, что уже сказал. И заявить, что мы продолжим те же действия во Франции и ту же дипломатическую работу. Это стратегия осторожности, стратегия привычного пути, по которому можно идти, не считая его слишком осторожным. Но независимо от того, о ком идет речь, предпринимателе, дипломате, министре, президенте, военном, любом человеке в этом зале, если мы продолжим действовать, как раньше, то окончательно потеряем контроль. А это будет означать уход с арены. Я могу с уверенностью вам об этом заявить.

Мы знаем, что цивилизации исчезают, как и страны. Европа исчезнет вместе с уходом в прошлое этой западной эпохи, и мир будет выстраиваться вокруг двух больших полюсов: США и Китая. У нас будет выбор между доминированием одной из двух сил.

Мы можем сделать вид, что забыли об этом. Мы прекрасно умеем это делать. Мы уже очень давно поступаем так по многим вопросам. Мы скажем, что у нас есть суверенитет. Мы будем бороться за сохранение рабочих мест в стране с помощью шатких компромиссов с группировками, над которыми мы уже совершенно не властны. Мы будем пытаться вести экологическую политику в стране и на континенте, но будет уже поздно, поскольку ситуация выйдет из-под контроля. Это путь скатывания вниз.

Существует другая стратегия: приспособление. Она заключается в следующем: в меняющемся мире нужно двигаться быстрее. Мы попытаемся принять какие-то туманные меры по экологии, но нам нужно приспособливаться к быстро меняющемуся порядку, проводить реформы просто для того, чтобы нагнать других, не пытаясь по-настоящему что-то изменить и на что-то повлиять. Это промежуточный сценарий, который, как мне кажется, приведет нас к тому же результату, но при этом еще вызовет резкую реакцию отторжения у наших людей, потому что наша страна не любит приспособливаться. Мы иногда даже хотим изменить мир, лишь бы нам не пришлось к нему приспособливаться, настолько мы не любим это делать.

Я считаю, что цель Франции, полностью соответствующая потребностям времени, состоит в том, чтобы с имеющимися у нас на руках картами повлиять на мировой порядок. Не мириться с фатальной неизбежностью чего бы то ни было, а попытаться построить новый порядок, в котором нашлось бы место не только для нас, но и для наших ценностей и интересов.

В одном я уверен. Нужна смелая стратегия. Надо идти на риск. Вполне возможно, что не все, что мы делаем и будем делать, увенчается успехом. И найдется немало комментаторов, которые скажут, что у нас что-то в данный момент не получается. Это не страшно. Сегодня страшно другое: даже не пытаться, смириться со всем тем, о чем я только что сказал.

Смелая и дальновидная стратегия состоит в попытке опереться в нынешних условиях на то, что является глубинной чертой французского духа, и обновить глубинные основы европейской цивилизации. Думаю, именно такую задачу мы должны поставить перед собой в нашей стране и в нашей европейской и международной стратегии.

Французский дух — это дух сопротивления и стремления к всеобщности.

Дух сопротивления означает нежелание поддаваться фатальной неизбежности, довольствоваться приспособлением, привычным ходом вещей. Он означает, что если что-то несправедливо, мы можем это изменить, но для этого надо создать возможности, и мы создаем такие возможности и становимся сильнее сильнее, проводим для этого реформы, наращиваем экономическую и производственную мускулатуру. Добиваться изменений, не поддаваясь рутине под благовидными предложениями — и в итоге вновь утвердить наши глубинные ценности.

Я считаю, что Европа всегда характеризовалась подлинным гуманизмом, который проходит красной нитью через нашу судьбу. Говорю об этом, потому что это уже не считается очевидным фактом. Если мы продолжим двигаться к обвалу и смиримся с тем положением вещей, которое я описал, то этот европейский гуманизм исчезнет.

США находятся в западном лагере, но не несут в себе того же гуманизма. Они иначе относятся к вопросам климата, равенства и общественного равновесия. Для них главное — примат свободы, который глубоко характеризует американскую цивилизацию и объясняет наши отличия, несмотря на прочные союзнические связи. Что касается китайской цивилизации, то у нее, мягко говоря, несколько иные коллективные ориентиры, иные ценности.

Мы — единственное геополитическое пространство, которое поставило человека с большой буквы на центральное место в своем проекте в эпоху Возрождения, в эпоху Просвещения и вообще всякий раз, когда нам приходилось переосмысливать себя. Я уверен, что и сейчас, когда мир переживает глубокие перемены, именно в этом заключается тот проект, который является нашим и должен вновь им стать. Он предполагает определенные требования по отношению к нам самим и к другим по ключевым экономическим, промышленным и климатическим вопросам.

Необходимо, таким образом, переосмысление образовательного, производственного, социального и экологического проекта в нашей стране. Именно это мы сейчас пытаемся сделать, но мы не сможем сделать это в одиночку. Ведь если доказано историей, что невозможен социализм в одной стране, гуманизм в одной стране тоже не продержится долго. Нам нужно активно действовать на европейской и на международной арене. Именно здесь должна проявиться последовательность нашего проекта. Именно эта гуманистическая направленность лежит в основе повестки дня нашего правительства, с упором на инвестиции в человека, в образование, социальную сферу и здравоохранение через реформы, которые позволят нам достичь реальных результатов в сфере производства и перейти к новой экологической эпохе. Я глубоко убежден, что мы должны руководствоваться именно этими целями, <...> что мы должны рассматривать наш проект как проект европейской цивилизации.

В продвижении проекта европейской цивилизации лидером не может быть ни католическая Венгрия, ни православная Россия. А мы отдали инициативу, например, двум этим лидерам, причем я говорю об этом с большим уважением. Послушайте выступления в Венгрии или России: у этих проектов немало различий, но они несут в себе культурную и цивилизационную жизненную силу,

которую я лично считаю ошибочной, но которая способна вдохновлять. Поэтому посредством европейского проекта, который я также считаю глубоко французским проектом, нам нужно найти силу, которая способна вдохновить наш народ. Это дух Возрождения, дух Просвещения. Это глубинный дух французского гуманизма, который мы несли вперед и осмысливали, и который нам теперь предстоит переосмыслить. Что это означает? Это означает, что все часто упоминаемые нами темы не должны быть исключительно техническими вопросами. Они должны способствовать формированию представлений, настоящего проекта новой цивилизации, в самом центре которого вновь стоит человек.

<...>

Переосмысливая наши отношения с ключевыми странами, мы должны обратить внимания на отношения с Россией. Я знаю, что многие из вас в своей карьере занимались вопросами, в которых все подталкивало вас к недоверию к России, причем иногда справедливому. Практически после падения Берлинской стены мы выстраивали эти отношения в атмосфере недоверия, так и не сумев понять друг друга.

Я подхожу к пересмотру этих отношений без капли наивности. Но мне хотелось бы подчеркнуть несколько очевидных фактов. Мы находимся в Европе, как и Россия. И если мы не сможем в тот или иной момент сделать что-то полезное с Россией, то останемся в состоянии совершенно бесплодной напряженности. У нас сохранятся замороженные конфликты по всей Европе. Европа останется ареной стратегической борьбы между США и Россией. По сути дела на нашей земле сохранятся последствия холодной войны и мы не сможем создать условия для масштабного проекта воссоздания европейской цивилизации, о котором я только что говорил. Потому что это невозможно сделать без очень глубокого переосмысления наших связей с Россией.

Кроме того, я считаю, что вытеснить Россию из Европы — это большая стратегическая ошибка, потому что мы тем самым подталкиваем Россию к изоляции, которая усиливает напряженность, или альянсу с другими крупными державами, такими как Китай, что совершенно не в наших интересах. В то же время следует признать, что наши отношения выстраивались на недоверии и тому есть документальные доказательства. Кибератаки, дестабилизация демократий, современный российский проект, который носит глубоко консервативный характер и явно противостоит проекту Евросоюза.

Корни всего этого уходят в 1990-е и 2000-е годы, которые характеризовались хроническим взаимным непониманием, когда Европа, я бы сказал, не сумела сыграть должную стратегическую роль, и создалось ощущение, что она является троянским конем Запада, чья конечная цель заключается в разрушении России. Тогда же в России сформировались представления, ориентирующиеся на разрушение Запада и прежде всего на ослабление Европейского союза.

Вот к чему мы пришли. Об этом можно сожалеть, можно остаться в состоянии позиционной войны, но это не отвечает нашим интересам. Разумеется, мы не заинтересованы в том, чтобы каяться и проявлять слабость по отношению к России, стремиться забыть все прошлые разногласия и конфликты и бросаться в объятия друг друга. Нет. Но я считаю, что нам нужно кардинально пересмотреть грамматику этих отношений.

Я думаю, что нам следует построить новую архитектуру доверия и безопасности в Европе, потому что европейский континент никогда не будет стабильным и безопасным, если мы не добьемся мира и ясности в отношениях с Россией. Скажем прямо: некоторые из наших союзников не заинтересованы в этом. Кое-кто подталкивает нас к введению все новых санкций, потому что это в их

интересах. Но хотя это наши друзья, нашим интересам это совершенно не отвечает.

Я считаю, что для достижения только что заявленной мной цели — восстановления настоящего европейского проекта в мире, рискуя стать биполярным — совершенно необходимо сформировать общий фронт между Европейским союзом и Россией, задуматься о структурирующих сейчас Европу концентрических кругах и прийти к новым отношениям с Россией. Для этого нам нужно продвигаться вперед шаг за шагом, и это я сказал на прошлой неделе президенту Путину в Брегансоне.

Каждый день у вас будут возникать доводы в пользу того, чтобы не идти в этом направлении. Они будут возникать каждый день, потому что этому проекту будут постоянно угрожать силы и с той и с другой стороны, в том числе с российской, потому что в различных службах и экономических кругах найдется немало людей, которые будут прибегать к атакам и провокациям, чтобы затруднить это движение.

Мы должны быть непреклонными, когда под угрозой оказывается наш суверенитет и суверенитет наших партнеров. Тем не менее нам нужно мыслить стратегически и рассмотреть пути сближения и выдвинуть твердые условия для их реализации. Речь идет об урегулировании замороженных конфликтов на европейском континенте. Речь идет о совместном переосмыслении всей системы контроля над обычным, ядерным, биологическим и химическим оружием.

Взгляните на ситуацию, в которой мы оказались. В современной Европе мы согласились с тем, что сфера вооружений регулируется договорами, которые были подписаны на выходе из холодной войны между США и Россией. Разве так выстраивается Европа, которая осмысливает и строит свою судьбу? Лично я так не думаю.

Поэтому нам нужен диалог с Россией. Конец Договора РСМД подталкивает нас к такому диалогу, потому что ракеты могут вернуться на нашу территорию.

Третья тема: нам надо вместе обдумать космическую проблематику. Кстати, в прошлом нам это удавалось и, насколько мне известно, в этой сфере американцы не являются нашими главными союзниками. Надо совместно обдумать и стратегию в киберпространстве, а мы этого пока очень далеко. Сегодня атаки происходят каждый день, но необходимо ставить эти вопросы в публичной сфере, без всякой наивности, обмениваться мнениями, настойчиво стремиться выработать повестку дня, основанную на доверии.

Наконец, нам нужна настоящая стратегическая дискуссия, чтобы сформировать условия для технологического суверенитета в промышленном плане в широком смысле слова — я в этом глубоко убежден. Ничто из этого нельзя назвать очевидным и простым, и у вас каждый день будут аргументы против движения в этом направлении. Я прошу вас не поддаваться на провокации, всегда отстаивать наши интересы, наш суверенитет, оставаться сильными, но в то же время я глубоко уверен, что нам нужно изменить расклад посредством прямого и требовательного диалога с Россией. Мне хочется, чтобы мы работали по этой оси, поскольку она необходима для успешного достижения результатов и выработки настоящей европейской стратегии.

Именно этим займутся министр по делам Европы и иностранным делам и министр обороны, когда через несколько дней они отправятся в Москву, чтобы возобновить диалог в формате 2+2. Эту же цель мы преследуем в рамках непрерывного диалога с президентом Путиным. Мы сформируем рабочую группу для продвижения вперед по вопросу общей архитектуре. Разумеется, одна из

главных тем для продвижения вперед в этом направлении касается нашей способности добиться прогресса по российско-украинскому конфликту, то есть по реализации Минских соглашений. В этой связи недавние дискуссии дали возможность наметить конкретные подвиги, которые позволят мне и канцлеру ФРГ предложить в ближайшие дни новую встречу на высшем уровне в нормандском формате.

Я понимаю, что у некоторых из вас, тех, кто сейчас слушает меня, могут возникнуть сомнения, но я прошу вас пойти по этому пути. Не из наивности, а потому, что искренне считаю его правильным.

Для полноты картины я попрошу вас всех задуматься о том, какую стратегию может выбрать для себя Россия. Взгляните на эту великую страну. Она вернула себе пространство для маневра благодаря нашим слабостям. За последние пять лет Россия заняла невиданное прежде место во всех крупных конфликтах. Это произошло потому, что США, Великобритания и Франция оказались слабыми. Были проведены «красные линии», которые были нарушены, но мы ничего не предприняли. Они это прекрасно поняли и продвинулись вперед. Нельзя пытаться кого-то подвергать остракизму, будучи слабым. Нужно выбрать логику. Руководствоваться логикой сильного в отношениях с соседом не отвечает нашим интересам.

Россия в максимальной степени продвинула все свои интересы в текущих условиях: она вернулась в Сирию, вернулась в Ливию, вернулась в Африку, она участвует во всех кризисных ситуациях благодаря нашим слабостям или нашим ошибкам. Но устойчива ли такая ситуация? Мне так не кажется, и на месте России — а нам всегда стоит ставить перед собой этот вопрос — я бы задумался.

Эта великая держава, которая вкладывает огромные средства в вооружения и внушает нам такой страх, имеет ВВП на уровне Испании, переживает демографический спад и старение населения, растущую политическую напряженность. Сколько это может продолжаться, как вы думаете?

Думаю, что судьба России не в том, чтобы быть младшим союзником Китая. Поэтому нам нужно с помощью требовательного диалога и условий, которые мы поставим, предложить стратегический выбор этой стране, которая, безусловно, обязательно, поставит перед собой такой вопрос. Нам же следует подготовиться к этому и суметь продвинуться в этом направлении.

Наша роль державы равновесия должна проявиться и в Азии. Китай изменился, как и мир вместе с ним. Нам необходимо выстроить европейско-китайское партнерство в XXI веке. В рамках Европы нашей стране предстоит вместе с Германией и Великобританией сыграть в этом историческую роль. И здесь нам уже удалось заложить важные вехи за последние месяцы, в частности во время визита председателя КНР в Париж, когда у нас впервые состоялся прямой, искренний и конструктивный диалог, причем в рамках европейской стратегии.

Китай обладает гениальной дипломатической способностью играть на наших разногласиях и ослаблять нас. Именно поэтому я решил впервые пригласить канцлера Меркель и председателя ЕС Юнкера на эту встречу, где мы впервые имели настоящую стратегическую повестку дня, не просто франко-китайскую, а европейско-китайскую.

Я считаю необходимым систематически интегрировать этот европейский подход, работая по трем приоритетным направлениям. Это, во-первых, торгово-экономическая сфера, которая вписывается в многосторонние рамки, но позволяет добиваться полноценных результатов с точки зрения взаимности. Это слово зачастую избегают в данной сфере, но такова реальность, и наши

предприятия прекрасно знают об этом. И здесь у нас есть интересы, которые необходимо защищать, интересы в целом ряде отраслей - от мирного атома до авиастроения и агропромышленного комплекса.

Далее, это многосторонняя повестка дня с упором на климат и биологическое разнообразие. Здесь Китай стал нашим союзником, что повлекло за собой глубокие изменения в расстановке сил. Беспрецедентным моментом было достижение договоренности по достижению «углеродного нейтралитета» к 2050 году, когда на полях саммита в Осаке министры иностранных дел подписали стратегический документ, в котором Китай вместе с нами взял на себя обязательства в этой сфере, хотя всего за несколько недель до того у ряда европейцев были на этот счет сомнения.

Наконец, евро-азиатская повестка дня, где нашей целью является сближение китайской инициативы по новым шелковым путям и европейской стратегии взаимосвязанности. Этот процесс должен осуществляться уважительно и требовательно. Мы уважаем интересы и суверенитет Китая, но Китай должен в свою очередь в полной мере уважать наш суверенитет и наше единство, и здесь очень важна европейская динамика.

В этом вопросе десять лет назад мы допустили серьезные ошибки. Европа, действуя в условиях финансово-экономического кризиса, подтолкнула ряд стран к форсированной приватизации, не предлагая им европейского выбора, и решила методически ограничивать свой суверенитет, предоставляя китайцам целый ряд важных объектов инфраструктуры в южной Европе. Не стоит упрекать китайцев в том, что они действовали умно, скорее можно упрекнуть нас самих в том, что мы поступили глупо. Нельзя и дальше идти по этому пути.

<...>

Второй приоритет — это работа по формированию европейского суверенитета. Я уже неоднократно отмечал этот момент. Он занимает центральное место в европейском проекте, которому вместе со мной привержены многие из сидящих в этом зале. Европейский суверенитет — не пустой звук. Я считаю, что мы допустили ошибку, слишком долго отдавая слово «суверенитет» на откуп националистам. Суверенность — красивое слово. Оно перекликается с тем, что лежит в основе нашей демократии и нашей Республики. Речь идет о том, что суверенным является народ. Именно он принимает решения. Но если мы теряем контроль над всем, этот суверенитет ничего не дает. Возникает демократическая апория, в которой народ будет суверенно выбирать руководство, не имеющее возможности на что-либо влиять. Таким образом, задача руководства сегодня заключается в том, чтобы создать условия, в которых оно может влиять на свою судьбу и будущее народов, брать на себя ответственность и действовать.

<...>

Я убежден, что проект европейского суверенитета должен включать в себя Великобританию. Какими бы ни были итоги Брексита, мы непременно должны осмысливать наш суверенитет вместе с Великобританией. В военном и стратегическом плане, по всем вопросам. Конечно, надо помнить о наших краткосрочных интересах, о соблюдении правил, суверенитете и единстве Европы. Но опять-таки, есть исторические и географические реалии, есть сила детерминизма. И мы должны учитывать это в нашем анализе.

<...>

Европа сильно проявила себя в формировании конкурентной стратегии, в развитии инноваций и конкуренции, защите потребителей. И она не должна утратить это качество. Но мы перестали думать о нашей промышленной стратегии. И по нашей собственной вине оказались в определенной мере в зависимом положении в сфере промышленности, технологий и т.д. Поэтому нам

следует в рамках нашей будущей стратегии пересмотреть подход к промышленной стратегии, которая, кстати, связана с климатической повесткой дня. Ибо промышленность будущего должна быть совместима с этой повесткой. Европе нужно гораздо больше инвестировать в научные исследования и прежде всего вкладывать больше средств в новые отрасли промышленности, восстанавливать правила конкуренции, которые совместимы с промышленным суверенитетом и ориентируются на чемпионов рынка на соответствующем уровне, то есть глобального рынка во всех секторах.

Европе нужна эффективная промышленная и климатическая стратегия, которая подразумевает достаточно высокую цену на углеводороды, чтобы стимулировать у нас переход на новые источники энергии, и эффективные пошлины на границе, позволяющие избежать нечестной конкуренции со стороны тех, кто отказывается от этого переходного процесса.

Мы слишком долго действовали порознь в этом вопросе. И этот суверенитет необходимо вернуть. Это необходимо, если мы хотим в будущем сохранить настоящий суверенитет в этих вопросах, продолжить строить наши электростанции, развивать экологические климатические услуги, создавать самолеты и оборонные технологии, развивать промышленность. В этой стратегии я делаю упор на технологический суверенитет, который нам нужно сохранить".

Оригинал: <https://www.elysee.fr/.../discours-du-president-de-la-republi...>